

созданию парка, сделали все от них зависящее, чтобы предотвратить дальнейшее истребление аборигенов. Однако единственную альтернативу они видели в полной изоляции индейцев от внешнего мира. В 1973 г. они признали поставленную задачу невыполнимой и отошли от руководства парком.

Нельзя сказать, что работа братьев Виллас Боас осталась безрезультатной: от вымирания были спасены тысячи индейцев. Однако Варезе прав в том, что попытки любыми средствами сохранить традиционную культуру считает явно бесперспективными. Закрепление и признание нормальным нынешнего положения лишает индейцев возможности добиться улучшения жизни в будущем, когда культурный разрыв станет еще больше. Перу, где мероприятия, касающиеся индейцев, направлены в конечном счете на вовлечение коренного населения в жизнь страны, показывает пример более радикального решения проблемы. В связи с прогрессивным изменением социально-экономических условий отпадает и необходимость в изоляции.

В брошюре Варезе содержится ценный справочный материал, касающийся состава, численности, расселения, занятий и степени аккультурации индейского населения перуанской монтании. В значительной мере он составляет результат личных наблюдений. В целом рецензируемая работа способствует более глубокому пониманию процессов, происходящих сейчас в Перу. Благородные цели ее автора заслуживают самой высокой оценки.

Ю. Е. Березкин

НОВЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ИНКОВ

V. Angles Vargas. *P'isaq. Metrópoli Inka*. Lima, 1970; 168 p.; его же, *Machupichu, enigmática ciudad inka*. Lima, 1972, 434 p.¹

Инкское государство, особенно на последнем этапе существования, довольно хорошо известно исследователям по испанским хроникам XVI и XVII вв. Но основное внимание в них уделяется истории города Куско. Согласно хронистам, особенно тем, чьими информаторами были потомки инков, обитатели Куско обладали самой высокой культурой. Жители иных районов нередко трактуются как «варвары», цивилизованные кусканскими владыками — инками, которые построили города, провели дороги, создали развитую социальную организацию. Однако, на наш взгляд, маловероятно, что создание многочисленных городов в сердце инкской державы (в долинах рек Вильканота, Урубамба и Апуримак) можно связывать лишь с «цивилизаторской» деятельностью кусканских инков, тем более что, по мнению специалистов, период существования инкской империи Тауантинсуйю не был так длителен, как представлялось раньше.

Письменные источники редко содержат данные об индейских городах (кроме Куско), и инкские древности изучены археологами еще крайне слабо. Поэтому любая попытка сопоставить скудные упоминания об инкских городах с конкретными археологическими памятниками своевременна и плодотворна. Именно в этом русле проводит свои исследования Виктор Англес Варгас — историк и археолог, профессор университета в Куско. Он автор нескольких общих работ по истории Нового Света и Перу, в частности.

Рецензируемые книги В. Ангlesa Варгаса — монографические описания двух больших инкских городов: Мачу Пикчу и Писака. Автор не проводил самостоятельных раскопок, но скрупулезно обследовал как городища, так и прилегающие районы. Когда читаешь эти великолепно иллюстрированные, с подробными картами и планами книги, создается впечатление, что вместе с автором побывал в этих городах и тщательно осмотрел все их сооружения. Благодаря такому подробному описанию археологического материала и достаточно оригинальным историческим построениям автора обе книги, задуманные как путеводители, могут рассматриваться как полноценные научные монографии. Очень показателен в этой связи очерк доинкской истории Централь-ных Анд («Мачу Пикчу», стр. 9—14). Он дает читателю ясное представление о том, что инкская культура сложилась на базе многовекового развития народов, населявших в древности территорию современного Перу.

В. Англес Варгас рассматривает изучаемые им монументальные памятники архитектуры с ясным пониманием причинной обусловленности их появления, стремится объяснить их постройку нуждами создавшего их населения («Писак», стр. 35). Такое стремление трактовать материал в историческом плане отражает в целом материалистический взгляд автора на археологический материал, резко контрастирующий с

¹ В дальнейшем ссылки на рецензируемые книги даются в тексте в русской транскрипции: «Писак» и «Мачу Пикчу».

псевдонаучными гипотезами о внеземном происхождении древних циклопических сооружений; гипотезами, часто включающими в свою «аргументацию» и инкские древности, в том числе знаменитый Мачу Пикчу.

Из описываемых В. Англесом Варгасом городов только Мачу Пикчу и его окружение исследованы археологически. В 1911 г. на городище вел раскопки открывший его американский археолог Х. Бингхем². Позднее он же, а затем и другие исследователи изучали памятники, окружавшие этот город³.

Писак же до работ автора рецензируемых книг оставался практически неизученным. В литературе появлялись только сведения о его центральной части — квартале Интиуатана, и то главным образом в виде фотографий циклопической кладки стен. Книга В. Англеса Варгаса, основанная на личных исследованиях автора, дает полное представление обо всем городе с его кварталами, разбросанными по крутым горным склонам.

Автор справедливо критикует традиционный метод изучения древнеперуанских городов, когда изучаются только дворцы, храмы и т. п., а скромным жилым кварталам достаточно внимания не уделяется («Писак», стр. 29—31). В. Англес Варгас пишет: «Города — это не только храмы, дворцы и мазолей. Существует группа построек, занимающая по своему качеству промежуточное положение, и, наконец, есть много грубых, недолговечных, легко разрушающихся построек, которые давали приют низшим слоям населения» («Писак», стр. 29). Такой подход не только расширяет наше представление о планировке инкских городов, но и (что гораздо важнее) открывает путь к изучению социальной дифференциации в них. Сам автор не делает каких-нибудь выводов в этом плане, так как ставит перед собой лишь задачу индивидуального описания каждого архитектурного комплекса.

Важным представляется также утверждение автора о связи небольших населенных пунктов в окрестностях Писака и Мачу Пикчу между собой, а также с этими крупными городами. В отличие от исследователей, приписывающих индейской общине самодовлеющую роль, самообеспечиваемость, замкнутость хозяйства и потому отсутствие стимула к контактам между поселениями, В. Англес Варгас предполагает, что поселки, первоначально, может быть, и не связанные друг с другом, постепенно подпадают под влияние, а затем и под власть города — центра данной местности. Этот процесс он рассматривает исторически, в развитии, кладя в основу принцип материальной потребности в таких связях. Автор прослеживает, например, следующую картину комплекса Кенте — Торонтой в долине р. Урубамбы: а) гипотетический этап чисто местного значения обоих поселков, «политически независимых, но имевших одинаковые... язык, обычаи, технические приемы, с неперенной культурной взаимозависимостью и сильными экономическими связями» («Мачу Пикчу», стр. 301); б) союз Кенте с Торонтоем; в) вхождение того и другого в региональное объединение с центром в Мачу Пикчу и г) включение в инкское государство — Тауантинсую («Мачу Пикчу», стр. 281). Подобная интерпретация распределения археологических памятников позволила В. Англесу Варгасу выдвинуть интересную гипотезу о том, что Писак, Мачу Пикчу, Ольянтайтамбо, Куско и другие известные инкские города первоначально представляли собой центры небольших «государств» («Писак», стр. 143—149; «Мачу Пикчу», стр. 163, 174, 175).

Гипотеза В. Англеса Варгаса кажется чрезвычайно перспективной, так как позволяет предположить в независимых инкских «государствах» (estados — термин автора) племенные объединения, вошедшие затем в союз во главе с Куско, — союз, превратившийся впоследствии в настоящее государство. Основываясь на этой гипотезе, можно представить следующую схему сложения Тауантинсуи.

Какая-то кечуанская (или пришлая, но быстро кечуанизированная) группа обосновалась в небольшом поселке Акамама, в дальнейшем переименованном в Куско⁴. Постепенно Куско стал главным административным и ритуальным центром долины. Аналогичные процессы происходили в это время в поселениях соседних долин, чья культура (местная по происхождению) была идентична той, что знакома нам в Куско. В. Англес Варгас называет ее то инкской, то кечуанской; второй термин нам представляется более правомерным, так как речь идет, вероятнее всего, не о заимствовании у инков, а о сходстве культурных характеристик. Основные черты этой культуры были впервые и наиболее детально исследованы в Куско. Поэтому, встречая в других районах сходную керамику, архитектуру и т. п., ученые, естественно, предполагали, что инки после покорения жителей этих районов навязывали им свои формы культуры. Немалую роль в создании такого мнения сыграла и упоминавшаяся выше информация большинства хронистов о «цивилизаторской миссии» инков и «дикости» прочих индейцев. В рецензии термины «инкский стиль», «инкский этап» и т. п. употребляются не

² H. Bingham, Machu Picchu, a Citadel of the Incas, New Haven, 1930.

³ H. Bingham, Further Explorations in the Land of Incas, «National Geographic Magazine», vol. 29, Washington, 1916; P. Fejos, Archaeological Explorations in the Cordillera Vilcabamba, Southeastern Perú, «Viking Fund Publications in Anthropology», № 3, N. Y., 1944.

⁴ F. G. Poma de Ayala, Nueva crónica y buen gobierno, Paris, 1936, f. 89.

... утверждения принадлежности того или иного памятника кусканским инкам, а для обозначения его принадлежности к определенному типу.

Складывание инкского государства в центральном горном районе началось, вероятно, в конце XIV — начале XV в. Оно, по-видимому, возникло из союза равноправных кечуанских племен, о которых пишет автор. Подчинив эти племена и использовав их силы, военные вожди (так переводится титул «инка»), правившие в Куско, покорили затем индейцев колья, лупака, кичуа, чанка, анти и др., заложив таким образом основу инкской империи — Тауантинсуйю. Однако, насколько можно судить по хроникам, возвышение Куско вызвало сопротивление правителей соседних долин. Конфликт был разрешен окончательно при инке Виракоче (середина XV в.), который, использовав несомненное военное превосходство Куско, разбил непокорных правителей и покончил с пережитками племенного союза. Другие центры, как Ольянтайтамбо, либо подчинились Куско, либо, как Писак, пришли в упадок, либо, как Мачу Пикчу, были оставлены населением.

У соседей инки перенимали сходные, но более разнообразные культурные достижения. Богатство инкского культурного комплекса, таким образом, создавалось не только за счет развития первоначальных элементов во времени, но и в большой степени за счет включения развивавшихся параллельно (а потому приобретших иные формы) элементов типологически единой кечуанской культуры. Такое первоначальное единство, в свою очередь, облегчило восприятие кусканцами чужих достижений и экспансию инкских норм. В результате раннекечуанская культура перешла на новую стадию единства, скрепившего союзы между племенами долин; впоследствии, на этапе государственного подчинения правителям Куско, она была окрещена «инкской».

Наиболее существенными характеристиками культуры кечуанских племен Центрального горного района (условно называемой «инкская») представляются следующие: 1) одинаковый тип социального устройства с кровнородственной общиной *айлью* как основой. В XV—XVI вв., на этапе сложения государства, происходит постепенный переход к соседскому типу общины; процесс этот, однако, завершился только при испанцах; 2) подчиненность сельских общин городу, который был политическим и ритуальным центром округа; при этом мелкие, зависимые поселения выглядели как бы уменьшенными его копиями: такие же храмы, административные здания (но местного значения); одинаковая планировка; жители города (центра) также в большинстве своем были земледельцами; 3) полигональная кладка в архитектуре; 4) культ воды с обязательным наличием при храме ряда ритуальных источников и «ванн»; 5) культ светил — отсюда повсеместные храмы-обсерватории (Интиуатана) с одинаковым устройством в каждом городе, а иногда и в меньших поселениях («Писак», стр. 59; «Мачу Пикчу», стр. 330); 6) вероятно, единый язык кечуа (руна-сими), с диалектальными различиями.

Гипотеза о существовании независимых и равнозначных центров кечуанской культуры может быть подтверждена примером Мачу Пикчу. Хотя этот район был завоеван инками, судя по всему, поздно, к приходу испанцев о Мачу Пикчу в Куско не знали. Доказательству последнего В. Англес Варгас посвящает целую главу («Мачу Пикчу», стр. 160—172). Если бы комплекс Мачу Пикчу — Уайна Пикчу был построен после прихода инков (а на строительство ушел бы не один год), то вряд ли за несколько десятилетий он был бы забыт так, что ни жрецы, ни инки, ни кипукамайок и келькакамайок («историки», умевшие читать узелковое письмо кипу и идеограммы), ни простые общинники не помнили о великом городе. Более вероятным представляется местное возникновение Мачу Пикчу (не исключено, что он был оставлен жителями до распространения инкской власти на этот район и инки вообще не знали о нем).

Это положение связано и с другой смелой гипотезой автора. Со времен первооткрывателя Мачу Пикчу Х. Бингхема утвердилось мнение, что зона Мачу Пикчу соответствует области Вилькакамба, куда ушли после испанского завоевания последние инки и где остатки инкского государства просуществовали до 1572 г. Мачу Пикчу при этом объявлялся столицей последних инков, известной по испанским источникам как Старая Вилькакамба. Такой взгляд получил отражение и в советской историографии⁵. В. Англес Варгас предполагает (и убедительно доказывает), что речь идет о двух разных районах. Он специально рассматривает возможность идентификации Мачу Пикчу с поселками Вилькакамбы — Старой Вилькакамбой, Виткосом, Тампутуко — и демонстрирует несомненное различие этих поселений («Мачу Пикчу», стр. 77—160).

Автор детально анализирует данные письменных источников, scrupulously прослеживая путь, который вел из Куско к Старой Вилькакамбе. При этом он идентифицирует ряд топонимов хроник с реально существующими в этом районе археологическими памятниками. В результате В. Англес Варгас приходит к выводу, что Старая Вилькакамба должна находиться где-то близ р. Апуримака, а не на берегу р. Урубамба, как Мачу Пикчу. Убедительно показано, что пути, ведущие в столицу последних инков, проходили в стороне от Мачу Пикчу. Это лишний раз подтверждает предположения автора, что инки не знали о существовании этого города. По его мнению, Старой Вилькакамбе должны скорее соответствовать либо руины инкского города близ дерев

⁵ Я. М. Свет, Трагедия в Вилькакамбе. 400-летие последней цитадели инков, «Латинская Америка», 1972, № 4.

ни Консебидайюк, либо остатки поселения в зоне Чокекирау, как предполагал еще А. Раймонди («Мачу Пикчу», стр. 84—91).

Помимо вышеизложенных положений, затрагивающих кардинальные проблемы инкской истории, В. Англес Варгас высказывает ряд интересных соображений по частным вопросам, связанным непосредственно с изучаемыми им памятниками. Таково, например, его предположение об использовании башен в Писаке не только как оборонительных сооружений, но и как пунктов связи для передачи голосом сообщений по всему городу («Писак», стр. 38—39).

Очень важной представляется мысль автора о том, что выделяемые кварталы Интиуатана в Писаке и в Мачу Пикчу были обсерваториями. Этот вывод базируется на повторяемости ряда элементов, планировке и деталях, характерных для обсерваторий, с одной стороны, и на сопоставлении с описанием Кориқанчи — «Храма Солнца» в Куско — у Гарсиласо де ла Веги — с другой. Однако такую интерпретацию описываемых сооружений нельзя все же считать окончательно доказанной, хотя приводимые автором аргументы достаточно убедительны.

К недостаткам исследования В. Англеса Варгаса следует отнести некоторую нечеткость его хронологических представлений. Так, говоря о возрасте Мачу Пикчу, он предполагает, что период наивысшего расцвета этого города относится к инкской эпохе («Мачу Пикчу», стр. 173). Однако мы не располагаем никакими данными, свидетельствующими о его большей древности, а однородность архитектурного комплекса города скорее указывает на более или менее одновременную его застройку. Конечно, это не столько вина, сколько беда автора, потому что периодизация и хронология инкских материалов до сих пор остаются совсем неразработанными в перуанской археологии.

В ряде случаев положения, высказываемые автором, звучат несколько абстрактно. Упомянув о различиях в облике и планировке разных кварталов Писака («Писак», стр. 29—31), он утверждает, что эти различия имеют не хронологический, а функциональный характер. Но утверждать это столь категорически можно, лишь обладая точными археологическими данными. А таких данных пока нет. Столь же необоснованно предположение о том, что двухэтажный дом в Писаке служил резиденцией администратора («Писак», стр. 59—65) и безоговорочное отнесение городища Пикильякта к инкским памятникам («Писак», стр. 147).

Однако эти замечания по частным вопросам не могут умалять ценность работ В. Англеса Варгаса. Основное достоинство рецензируемых книг, на наш взгляд, в пристальном внимании автора к материальной стороне процесса развития кечуанской культуры, при оперировании исключительно конкретными, проверенными фактами. Он заранее отказывается от многочисленных идеалистических толкований истории инкского общества, объясняющих возникновение и развитие Тауантинсуйю «предопределением», «особой государственной мудростью инков» и т. п. Виктор Англес Варгас принадлежит к национальной школе перуанских историков и археологов, видящих особую важность в историческом толковании археологического материала и утверждающих идею самобытности и богатства культуры перуанских индейцев. Его книги, содержащие интересные, оригинальные положения по важнейшим проблемам инкской истории, несомненно, вносят много нового в перуанистику.

В. А. Башилов, С. Я. Серов